

УДК 811. 161.1'221:130.2 (045)

Г. Н. Потапова

**ЕДИНИЦЫ НЕВЕРБАЛЬНОЙ СЕМИОТИКИ КАК СРЕДСТВА
СОЗДАНИЯ «ЭМОЦИОНАЛЬНОГО» ПОРТРЕТА ГЕРОЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ М. ЛЕРМОНТОВА «ВАДИМ»)**

Г. Н. ПОТАПОВА. ОДИНИЦІ НЕВЕРБАЛЬНИХ СЕМІОТИКИ ЯК ЗАСОБИ СТВОРЕННЯ «ЕМОЦІЙНОГО» ПОРТРЕТА ГЕРОЯ (НА МАТЕРІАЛІ ПОВІСТІ М. ЛЕРМОНТОВА «ВАДИМ»).

Надана розвідка актуальна у зв'язку з недостатньою увагою лінгвістів до мови ранньої повісті М. Лермонтова «Вадим». На особливу увагу заслуговують авторські ремарки. Саме в ремарках М. Лермонтов реалізує одиниці невербальної семіотики. Аналіз висловів невербальних комунікацій підтвердив, що Вадим — романтичний герой, з властивими цьому типу рисами характеру. Він відчуває емоції, властиві сильним, поривчастим і яскравим натурам, впевненим у собі і у своїй перевазі над оточуючими. Основні емоції Вадима віддзеркалюють його холеричний темперамент.

Ключові слова: невербальна семіотика, ремарки, невербальна комунікація, «емоційний» портрет героя, типовий романтичний герой.

Г. Н. ПОТАПОВА. ЕДИНИЦЫ НЕВЕРБАЛЬНОЙ СЕМИОТИКИ КАК СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ «ЭМОЦИОНАЛЬНОГО» ПОРТРЕТА ГЕРОЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ М. ЛЕРМОНТОВА «ВАДИМ»).

Проведенное исследование актуально в связи с недостаточным вниманием лингвистов к языку ранней повести М. Лермонтова «Вадим». Особого внимания заслуживают авторские ремарки. Именно в ремарках М. Лермонтов реализует единицы невербальной семиотики. Анализ высказываний невербальных коммуникаций подтвердил, что Вадим — романтический герой, имеющий присущие этому типу героя черты характера. Он испытывает эмоции, свойственные сильному, порывистому и яркому натурам, уверенным в себе и своём превосходстве над окружающими. Основные эмоции Вадима отражают его холерический темперамент.

Ключевые слова: ремарки, невербальная семиотика, невербальная коммуникация, «эмоциональный» портрет героя, типичный романтический герой.

G. POTAPOVA. UNITS OF NONVERBAL SEMIOTICS AS MEANS OF CREATION OF PROTAGONIST'S "EMOTIONAL" PORTRAIT (In MIKHAIL LERMONTOV'S "VADIM").

This research contributes to the studies of language in Mikhail Lermontov's early novel Vadim. Author's remarks in the novel deserve a special attention and generally are poorly studied. There are so many remarks and they are so accurate that sometimes these statements can be compared to the author's remarks in a play. It is in these remarks that Lermontov realizes paralinguistic units or units of nonverbal semiotics. The purpose of the study is to describe and analyze the language of nonverbal communication and to present the protagonist's "emotional portrait" on the basis of the analysis. Conclusions. Nonverbal semiotics plays a crucial role in revealing the nature of all characters in the story, and especially, of the main character, Vadim. All of the emotions expressed by the means of nonverbal semiotics can be organized into a series of sequences. Significantly, due to the character's unique traits (rather than the story's genre), the protagonist does not feel any fear, shame or guilt.

Analysis of the language of nonverbal communication presented in this paper confirms that Vadim is a typical romantic hero, with all the traits common to this type of character. However, unlike other characters of Lermontov's romantic poems, Vadim is not self-reflective or introspective, and has no feelings of guilt. Vadim's main emotions reflect his choleric temperament. His emotions are typical for strong, impetuous and exceptional personalities who feel self-confident and superior to others.

© Г. Н. Потапова, 2018

<http://doi.org/10.5281/zenodo.1244633>

Key words: remarks, nonverbal semiotics, nonverbal communication the protagonist's "emotional portrait", typical romantic hero.

Повесть М. Ю. Лермонтова «Вадим» создана на стыке двух литературных течений: романтизма и реализма. Эта повесть – первое прозаическое произведение М. Ю. Лермонтова. Она писалась в период с 1832 по 1834. Поэт стремился рассказать об истории пугачевского восстания, поэтому главный герой Вадим и стал пугачевским лазутчиком по имени Красная Шапка. Не открытие, что Лермонтов находился под сильным влиянием творчества А. С. Пушкина. В «Вадиме», например, мы находим сюжетные совпадения с повестью «Дубровский». Судьба Вадима и его отца полностью повторяет судьбу Андрея и Владимира Дубровских. Но, в отличие от прозы Пушкина, язык «Вадима» – это язык русского романтизма, а местами и сентиментализма. Он подобен языку поэзии. Интересно, что еще в 1822 году Пушкин резко отрицательно отзывался о таком подобию. От языка прозы он требовал точности и краткости и считал недопустимым поэтические метафоры в прозе: «Точность и краткость — вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей — без них блестящие выражения ни к чему не служат. Стихи дело другое (впрочем, в них не мешало бы нашим поэтам иметь сумму идей гораздо позначительнее, чем у них обыкновенно водится. С воспоминаниями о протекшей юности литература наша далеко вперед не подвинется)» [13, с. 19]. М. Лермонтов делает как будто бы все наоборот – основа языка «Вадима» – романтическая метафора.

Особого внимания заслуживают авторские ремарки в повести. Их так много и они так точны, что порой их можно сравнить с ремарками в драме. Именно в ремарках М. Лермонтов реализует паралингвистические единицы или единицы невербальной семиотики.

Целью данного исследования стало изучение таких единиц, описание речений, отражающих невербальные коммуникации, и составление «эмоционального портрета» главного героя на основе проведенного анализа.

В нашем исследовании под системой словесных репрезентаций понимается совокупность вербализованных единиц, характеризующих средства невербальной семиотической системы [6, с. 3]. Единицами такой подсистемы являются речения. Этот термин был предложен Верещагиным Е. М., Костомаровым В. Т. Под речением авторы понимают воспроизводимые языковые лексические и фразеологические единицы, свободно создаваемые наименования и описания. Речения могут выражаться полнозначными словами, сочетаниями слов, предложениями, фразой, сверхфразовым единством, а также любым типом фразеологизма, афоризмом или крылатым выражением [1, с. 37].

Все проанализированные речения были квалифицированы и описаны по двум параметрам. Первый – формальный, при этом учитывалась структура речения и его ядро. Второй – семантический: речения были распределены в рубрики, в зависимости от эмоции героя, выраженной в коммуникативной ситуации.

Формальная классификация

1. Ядро речения – имена существительные:

1.1 Лицо: *адская радость вспыхнула на бледном лице; он не должен быть слишком боек — это видно по лицу; он закрыл лицо обеими руками; он закрыл лицо руками, желая утаить смущение или невольные слезы, или стремясь сильнее; едва приметная тень неудовольствия пробежала по лицу Вадима.*

1.2. Глаза/очи: *И глаза, если б остановились в эту минуту на человеке, то произвели бы действие глаз василиска. И глаза его блистали под беспокойными бровями; не сводил глаз с этого неземного существа, как будто был счастлив; не смел поднять на него глаз, боясь, чтобы в них не изобразились слишком явно его чувства; и устремил яркие черные глаза; с язвительным выражением очей; глаза его, полузакрытые густыми бровями, выражали непобедимое страдание; но Вадим не слышал — его душа была в глазах.*

1.3 Взгляд: *его огненный взгляд в одну минуту высушил слезы; бродячий взгляд Вадима искал где-нибудь остановиться; бросил на казака тот взгляд, который был его главным оружием; устремляя тусклый взор.*

1.4 **Зубы:** ей послышалось что-то похожее на **скрежет зубов**; **сквозь зубы** бормотал какие-то упреки, думал горбач, скрежеща **зубами**.

1.5 **Слезы:** на его ресницах блеснула слеза: может быть первая слеза — и слеза отчаяния! Такие **слезы** истощают душу.

1.6 **Чело:** чело Вадима омрачилось.

1.7 **Улыбка:** **губы**, скривленные ужасной, оскорбительной **улыбкой**; и горькая язвительная **улыбка** придала чертам его, слабо озаренным догорающей свечой чего-то демонское; **ядовито-сладкая улыбка** **набегала на его красные губы**.

1.8 **Смех:** сказал с глухим **смехом**.

2. **Ядро речения – глаголы:**

2.1 **Смотреть, глядеть, взглянуть:** **взглянул** на них с презрением, Вадим холодно **взглянул** на Федосея, **смотрел** на нее, без удивления, но с тайным восторгом, **смотрел** на нее и на старика так же равнодушно и любопытно, как бы мы смотрели на какой-нибудь физический опыт, как безумный **посмотрел** на них, неподвижно **смотрел, смотрел** на Ольгу глазами коришуна, угрюмо **глядя** на небо.

2.2. **Глаголы звукопроизводства:** На губах его клубилась пена от беиенства, он хотел что-то **вымолвить** — и не мог; А! Понимаю! — он **закусил губы**: — ты меня испугалась... Я твой брат! — **повторил он дрожащим, страшным голосом**; Вадим **дико захохотал и, стараясь умолкнуть, укусил нижнюю губу** свою, так крепко, что кровь потекла; Он **отвернулся**, хотел, по-видимому, **что-то прибавить**, — но **голос замер** на посиневших губах его; он взял ее влажную руку и, стараясь **смягчить голос, продолжал**; **дико засмеялся**.

2.3. **Стоять, сидеть:** Безобразный нищий всё еще **стоял** в дверях, сложа руки, нем и недвижим; Тут **сидел** Вадим; **один**, облокотясь на свои колена и поддерживая голову обеими руками; Вадим **сидел** на своем прежнем месте, под толстой березой, сложа руки — **сидел**, **стоял** сложа руки; **стоял перед ней**, как Мефистофель перед погибшею Маргаритой, с язвительным выражением очей, как раскаяние перед душою грешника; сложа руки, **Вадим сидел на своем прежнем месте, под толстой березой**, сложа руки и угрюмо **глядя** на небо. Неподвижный, подобный одному из тех безобразных кумиров*, кои доньне иногда в степи заволжеской на холме поражают нас удивлением, **стоял перед ней, ломая себе руки**. С топором в руке на самом пороге **стоял некто** еще ужаснее, чем умирающий: он **стоял неподвижно**, **смотрел** на Ольгу глазами коришуна и указывал пальцем на окровавленную землю: он торжествовал, как Геркулес, победивший змея. **Неподвижно остановаься в дверях**.

2.4. **Глаголы движения:** **упал** на постель свою, как **тигр вскочил**; и он **ходил** взад и вперед скорыми шагами, он **выбежал** из дома и **пустился в поле**; **отъехал прочь прислонясь к березе, сложа руки на груди**; **продрался** сквозь толпу до самого клироса; **задумавшись ехал** мрачный горбач, сложа руки на груди и **повеся голову**; **перешагнул через протянутые ноги и пошел** скорыми шагами.

2.5 **Другие глаголы:** **Одна его рука была за пазухой, а ноги его по какому-то судорожному движению так глубоко врезались в тело, что когда он вынул руку, то пальцы были в крови... он как безумный посмотрел на них, молча стряхнул кровавые капли на землю и вышел. Он поднял большой камень и начал им играть как мячиком; Нищий в одну минуту принял вид смирения и с жаром поцеловал руку своего нового покровителя...он ударил себя в лоб рукой, как обыкновенно делают, когда является неожиданная мысль; задумавшись, ехал мрачный горбач, сложа руки на груди и повеся голову; Вадим схватил себя за голову и вышел; и в продолжение одной минуты он думал раздробить свою голову об косяк... но эта безумная мысль скоро пролетела...; дико засмеялся; он стоял, прислонясь к печи и **проставив палец ко лбу, казался погружен в глубокое размышление, припав под окном в густую траву, начал прилежно вслушиваться, покачал головой с сожалением**.**

Одним из наиболее активных средств описания невербальных коммуникаций стали фразеологизмы. В ходе нашего исследования были выявлены такие речения – фразеологизмы: не смел поднять глаз, устремлял глаза, бросил взгляд, кровь кинулась, закусил губы, ломая себе руки, повеся голову, плакал, как ребенок, скрежеща зубами, поднять на него глаза, сквозь зуб, волосы у него встали дыбом, горькими слезами, сердце забилося, твердою рукою, как молния озарила (+инверсия).

В повести «Вадим» были выделены следующие эмоции, присущие главному герою, которые были иллюстрированы невербальными средствами коммуникации.

1. Радость/восторг/счастье:

Смотрел на нее, без удивления, но с тайным восторгом; не сводил глаз с этого неземного существа, как будто был счастлив; устремил яркие черные глаза; адская радость вспыхнула на бледном лице.

2. Интерес/волнение/перевозбуждение/страсть:

Продрался сквозь толпу до самого клироса; смотрел на нее, без удивления, но с тайным восторгом и глаза его блистали под беспокойными бровями; Вадим дико захохотал и, стараясь умолкнуть, укусил нижнюю губу свою, так крепко, что кровь потекла; он похож был в это мгновение на вампира, глядящего на издыхающую жертву; он взял ее влажную руку и, стараясь смягчить голос, продолжал; этот взор был остановившаяся молния, если магнетизм существует, то взгляд нищего был сильнейший магнетизм; дико засмеялся; как тигр вскочил; и он ходил взад и вперед скорыми шагами, сжав крестом руки; как бешеный он выбежал из дома и пустился в поле; стоял перед ней, как Мефистофель перед погибшею Маргаритой, с язвительным выражением очей, как раскаяние перед душою грешника; с топором в руке на самом пороге стоял некто еще ужаснее, чем умирающий: он стоял неподвижно, смотрел на Ольгу глазами коршуна и указывал пальцем на окровавленную землю: он торжествовал, как Геркулес, победивший змея; неподвижно остановясь в дверях. Одна его рука была за пазухой, а ногти его по какому-то судорожному движению так глубоко врезались в тело, что когда он вынул руку, то пальцы были в крови... он как безумный посмотрел на них, молча стряхнул кровавые капли на землю и вышел; на губах его клубилась пена от бешенства, он хотел что-то вымолвить — и не мог; А! Понимаю! — он закусил губы: — ты меня испугалась; Я твой брат! — повторил он дрожащим, страшным голосом; он отвернулся, хотел, по-видимому, что-то прибавить, — но голос замер на посиневших губах его, он закрыл лицо руками выбежал... быть может, желая утаить смущение или невольные слезы, или стремясь сильнейшим порывом бешенства исполнить немедленно свое ужасное обещание; и глаза его, если б остановились в эту минуту на человеке, то произвели бы действие глаз василиска; он ударил себя в лоб рукой, как обыкновенно делают, когда является неожиданная мысль

3. Горе/отчаяние/страдание

Вадим схватил себя за голову и вышел; и, выходя, остановился у двери... и в продолжение одной минуты он думал раздробить свою голову об косяк... но эта безумная мысль скоро пролетела...; на его ресницах блеснула слеза: может быть первая слеза — и слеза отчаяния!.. Такие слезы истощают душу, отнимают несколько лет жизни, могут потопить в одну минуту миллион сладких надежд! Они для одного человека — что был Наполеон для вселенной: в десять лет он подвинул нас целым веком вперед; глаза его, полузакрытые густыми бровями, выражали непобедимое страдание; он закрыл лицо руками и выбежал... быть может, желая утаить смущение или невольные слезы, или стремясь сильнейшим; чело Вадима омрачилось; ей послышалось что-то похожее на скрежет зубов; сквозь зубы бормотал какие-то упреки; думал горбач, скрежеща зубами; Тут сидел Вадим; один, облокотясь на свои колена и, поддерживая голову обеими руками; упал на постель свою, и безотчетное страдание овладело им; он ломал руки, вздыхал, скрежетал зубами... неизвестный огонь бежал по его жилам, череп готов был треснуть; Вадим сидел на своем прежнем месте, под толстой березой, сложив руки и угрюмо глядя на небо; неподвижный, подобный одному из тех безобразных кумиров, кои донныне иногда в степи заволжской на холме поражают нас; покачал головой с сожалением, перешагнул через протянутые ноги и пошел скорыми шагами;

3. Отвращение/презрение

Взглянул на них с презрением, Вадим холодно взглянул на Федосея; полоса яркого света, прокрадываясь в эту комнату, упала на губы скривленные ужасной, оскорбительной улыбкой; на синих его губах сосредоточилась вся жизнь Вадима, и как нарочно они одни были освещены...и горькая язвительная улыбка придала чертам его, слабо озаренным догорающей

свечой чего-то демонское; улыбка, ядовито-сладкая улыбка набегала на его красные губы: в ней дышала то гордость, то презрение, то сожаленье — да, сожаленье палача, который не из собственной воли, но по повелению высшей власти наносит смертный удар;

4. Безразличие

Безобразный нищий всё еще стоял в дверях, сложа руки, нем и недвижим; устремляя тусклый взор; Вадим сидел на своем прежнем месте, под толстой березой, сложа руки; он поднял большой камень и начал им играть как мячиком; прислонясь к печи и приставив палец ко лбу, казался погружен в глубокое размышление.

Проведенный анализ повести М. Ю. Лермонтова «Вадим» дает основания сделать следующие выводы. Явления невербальной семиотики имеют большое значение в раскрытии образов всех героев повести, в частности, главного героя – Вадима. Все эмоции, иллюстрированные средствами невербальной семиотики, можно выстроить в следующие цепочки: базовая эмоция *радость* – **радость / восторг / счастье**; базовая эмоция интерес – **интерес / волнение / перевозбуждение / страсть**; базовая эмоция горе – **горе / отчаяние / страдание**; базовая эмоция *неприятие* – **отвращение / презрение**. Интересно, что эмоций страха, стыда и вины главный герой не испытывает, что обусловлено не столько жанром повести, сколько спецификой характера героя.

Анализ речений невербальных коммуникаций подтвердил, что Вадим – типично романтический герой, имеющий свойственные этому типу героя черты характера. Он не испытывает рефлексий и чувства вины, так свойственных героям романтических поэм М.Ю.Лермонтова. Основные эмоции Вадима, отражают его холерический темперамент. Он испытывает эмоции, свойственные сильным, порывистым и ярким натурам, уверенным в себе и своем превосходстве над окружающими.

ЛИТЕРАТУРА

1. Верещагин Е. М., Костомаров В. Т. О своеобразии отражения мимики и жестов вербальными средствами (на материале русского языка) // Вопросы языкознания. 1981. № 1. С. 36–47.
2. Крейдлин Г. В. Кинесика // Словарь языка русских жестов. Москва–Вена: Языки русской культуры; Венский славистический альманах, 2001. С. 166–248.
3. Лермонтов М. Ю. Вадим [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-reading.club/bookreader.php/98309/Lermontov_-_Vadim.html (обращение 4.05.2018).
4. Перльмуттер Л. Б. Язык прозы М. Ю. Лермонтова // Жизнь и творчество М. Ю. Лермонтова: Исследования и материалы: Сборник первый. М.: ОГИЗ; Гос. Изд-во художественная литература, 1941. С. 310–355.
5. Пушкин А. С. <О прозе> // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959. Т. 11. Критика и публицистика, 1819–1834. 1949. С. 18–19. [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/texts/push17/vol11/y11-018-.htm> (обращение 4.05.2018).
6. Радионова Е. С. Единицы невербальной семиотической системы в портретных описаниях человека: семантика и прагматика: на материале русской художественной, мемуарной, публицистической прозы: автореферат. Омск, 2006. 20 с.

(Статья поступила в редакцию 18 апреля 2018 г.)